An excerpt from the paper by Mark von Hagen

Марк фон Хаген,
Колумбийский университет

Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи

Когда начался распад советского блока, оказалось, что политический национализм и этнические конфликты составляют неотъемлемую часть стремительных общественных перемен. Национализм в политике и кровавые конфликты, развернувшиеся под аккомпанемент риторики этнического антагонизма, оказались полной неожиданностью для большинства обществоведов и самих участников конфликтов. Возникшее наиболее распространенное объяснение этого явления получило пародийное название «теории глубокого замораживания», согласно которой коммунизм, понимаемый в ее рамках как некая идеология интернационализма и антинационализма, удерживал скрытый первобытный национализм регионов в состоянии глубокой заморозки. Антрополог Катрин Вердери утверждает, что эта теория сама является ни чем иным как замаскированной идеологией, причем идеологией опасной, поскольку подводит базу под позицию невмешательства, признавая существование стихийных сил, неподвластных любым усилиям политиков. Она считает, что современный национализм в политике возник не на пустом месте. Действительно, соглашается она, коммунистические режимы посредством ряда политических мер и организационных структур способствовали сохранению национальных противоречий; и в самом деле, коммунизм в той его разновидности, которая существовала в Советском Союзе и Восточной Европе, в значительной мере сросся с местным национализмом. Однако, хотя этот исторический факт и может помочь понять причину живучести национальных различий в постсоветских государствах, он не дает объяснения, каким образом эти национальные различия вылились в межэтнические, часто кровопролитные, конфликты. Из этого следует другой, не менее важный для нее вывод о том, что современные межнациональные конфликты в значительной степени являются результатом специфической политики, проводимой государствами на этапе трансформации прежнего режима, в том числе политики демократизации и перехода к рыночным отношениям. Вердери напоминает, что при анализе истоков современных межнациональных конфликтов, прежде всего, необходимо учитывать влияние как исторических процессов, так и целенаправленной деятельности государства, а также предостерегает от ошибочного подхода к национализму, когда он рассматривается не как набор символов, вокруг которых различные группировки ведут борьбу в самых разных политических контекстах, а как самостоятельный участник социального процесса [1].

Замешательство, изумление по поводу вспышки национализма, последовавшей за распадом советской системы, а также готовность приписать ее главным образом воздействию стихийных сил, удивительным образом напоминают реакцию элит Российской империи в 1917 году на такое же «обострение» национального вопроса. Грузинский меньшевик Ираклий Церетели впоследствии признался в слепоте центристских демократических партий по национальному вопросу[2]; радикальные требования, предъявленные нерусскими политическими

(1) [1] Katherine Verdery, “Nationalism and National Sentiment in Post-Socialist Romania,” [Национализм и национальные чувства в пост-социалистической Румынии], “Slavic Review 52:2 (Summer 1993)”, с. 179-203. Более подробно мысль Вердери о сращивании коммунистических режимов с национализмом раскрыта в ее работе National Ideology under Socilaism: Identity and Cultural Politics in Ceausecu’s Romania [Национальная идеология при социализме: национальное самосознание и культурная политика в Румынии Чаушеску], (Berkely, 1991). Похожий вывод о том, что Советское государство способствовало сохранению национальных противоречий, делает Юрий Слезкин в статье «СССР как коммунальная квартира, или как социалистическое государство способствовало развитию идеи национальной исключительности», Slavic Review 53, No. 2 (Summer 1994), с. 414-452.

(2) [2] См. его размышления по национальному вопросу в : И.И. Церетели. Воспоминания о Февральской революции (Paris and Hague, 1963), v. 2, с. 69-161. Эта слепота характерна также для большинства крупных историков, писавших о 1917 годе. За исключением работ Ричарда Пайпса, The Formation of the Soviet Union [Образование Советского Союза] (Cambridge: Harvard University Press, 1964), и Григора Суни, R. Grigor Suny, The Baku

деятелями, оказались для них столь же неожиданными, как и неприятие власти аристократии в конце 1917 года. Как правило, новые общественные элиты и многие этнические русские придерживались либерально-социалистических воззрений на национальный вопрос, считая его следствием царского гнета, которое исчезнет с падением самодержавия. Столкнувшись в 1917 году с «национальным пробуждением», они вынуждены были искать объяснение тому факту, что острота национального вопроса не только не ослабела, но и стала возрастать из месяца в месяц. Новые элиты, воспитывавшиеся в течение многих лет на теориях заговоров, в лучшем случае рассматривали возникшие движения за национальную автономию, федерализм, и национальное освобождение как искусственное и поверхностное явление, а в худшем – как измену и прямое следствие происков Германии, Австро-Венгрии, и Оттоманской империи, направленных на разжигание национальной розни на границах Российской империи. Иными словами, то, что эти элиты считали трезвым политическим анализом, было на самом деле замаскированной формой идеологии. Общественные элиты были уверены, что некие обезличенные силы «демократии» и «революции» нейтрализуют стихийный напор другой обезличенной силы под названием национализм. Вследствие чего Временное правительство проводило в отношении требований большей автономии и самоуправления со стороны «пограничных регионов» политику отсрочек и проволочек в надежде на то, что с усилением демократии национальный вопрос «отпадет» сам собой.

То, чего новые элиты не разглядели из-за своей «слепоты» по национальному вопросу, была степень, до которой политика, проводившаяся во время Великой войны, изменила и повысила значение национального самосознания по сравнению с периодом до 1914 года, подняв эту проблему во многих случаях до уровня вопроса жизни и смерти. Не менее важным фактором резкого повышения радикализма националистических движений, как подсказала бы нам Вердери, явились условия выхода из прежнего режима, в данном случае – политика Временного правительства, направленная на разрушение институциональных основ законности самодержавной власти династии Романовых. Эта политика в наибольшей степени способствовала быстрому распространению и радикализации националистических течений и состояла в том, что: Временное правительство объявило курс на продолжение войны с Тройственным союзом – теперь уже «во имя революции» и, с одной стороны, обратилось к «обществу» с призывом к самоорганизации во имя защиты революции, а с другой – направило в местные правительства «своих» людей в качестве комиссаров, тем самым создавая альтернативные властные структуры в противовес муниципальным и местным властям прежнего режима[3].

В настоящей работе я попытаюсь раскрыть механизм возникновения межнациональных противоречий в период распада Российской империи через анализ политики государства и общественных элит во время первой мировой войны, а также ее планировавшихся и незапланированных последствий. Я рассматриваю здесь только зарождение националистического движения на Украине, однако хочу подчеркнуть, что развитие этого движения можно понять лишь в более широком контексте мобилизации этнических сил в условиях войны и революции. Строго говоря, анализ условий выхода страны из прежнего режима требует специальной работы и станет темой одной из моих будущих статей; здесь же

Commune, 1917-1918: Class and Nationality in the Russian Revolution [Бакинская коммуна, 1917-1918: класс и национальность в русской революции] (Princeton, 1972), большинство не-советских, а особенно советских историков революции делали основной упор на не-национальные социальные факторы и предпосылки, особенно роль рабочего класса и крестьянства в революционной политике. Вместе с тем, особняком стоят две самые крупные работы, посвященные солдатам 1917 года, в которых большое внимание уделяется не-русским национальностям: Allan Wildman, The End of the Russian Imperial Army [Конец армии Российской империи] (Princeton University Press, 1980 and 1987), и М.С. Френкин «Русская армия и революция 1917-1918» (Munich, 1978).

---

[3] Точно так же Михаил Горбачев обратился с призывом к интеллигенции с целью укрепить свою политику реформ сверху и одновременно передал большие полномочия местным «комиссарам» в попытке разрушить тиски центральной бюрократии на политику и экономику Советского Союза. Растерянность и смущение, с которыми Горбачев и его ближайшие советники восприняли обострение национального вопроса и мгновенную утерю собственного контроля над процессом реформ, до боли напоминают реакцию Временного правительства и Петроградского совета на события 1917 года.

достаточно отметить, что политика, проводившаяся во время войны, уже представляла собой значительный разрыв с политикой прежнего режима. Это было особенно актуально для населения оккупированной Галиции; но даже и для тех подданных Российской империи прифронтовых губерний, которые были вынуждены жить в условиях военного положения, перемены в их жизни оказались сродни революционным. В Галиции иностранное правительство стало вмешиваться в местную политику и социальные условия; что касается подданных Российской империи, то российские власти, выступая от имени прежнего режима, стали вторгаться в такие области общественной жизни и нарушать ее, навязывая такие порядки, которые значительно отличались от порядков мирного времени. Таким образом, радикальные изменения в быте россиян наступили задолго до 1917 года.

Война стала водоразделом как в отношениях между русским и нерусским населением, так и в отношениях различных представителей нерусского населения между собой. И дело заключалось не столько в самой войне, сколько в следующих моментах: 1) в характере режимов, которые вели эту войну, особенно многонациональных династических империй – Австро-Венгрии, Оттоманской империи, и России; 2) в характере самой войны, в ходе которой Россия сошлась в схватке с тремя могущественными соседними державами на западе и на юге (со времен нашествия Наполеона ни одна война не приносила столь масштабных перемещений, разрушений, и оккупации густонаселенных губерний империи); 3) в весьма специфической политике, проводившейся воюющими сторонами в области мобилизации населения, военной пропаганды, оккупации, эвакуации, и даже в оказании помощи беженцам. Для Российской империи последствием этой политики стала ни больше, ни меньше, как интернационализация и милитаризация «национального вопроса» на ее собственной территории.

Жертвой войны пала политика национального самосознания, которая преобладала в Российской империи в течение нескольких предшествовавших десятилетий царского режима. В своей ежедневной жизни национальные меньшинства империи совмещали приверженность к местным языкам, религиям и культурам с верностью царю и отечеству. С различными модификациями, прибалтийские немцы, евреи, татары, украинцы и поляки составляли космополитическую элиту империи, чья лояльность принадлежала наднациональному государству и самодержцу. В своих официальных документах правительство империи стремилось не замечать национальных различий и делало упор на традиционные классы, выделяемые по религиозному и имущественному признаку[4]. Джеффри Брукс также утверждает, что популярные произведения российской литературы начала века обнаруживают более терпимое и космополитическое отношение к нерусским народам, особенно по сравнению с современной английской и американской литературой[5]. И Пол Бушкович отмечает, что в последние годы прежнего режима национальная политика в России отставала по сравнению с национальной политикой стран Западной и Центральной Европы, где накануне первой мировой войны нормой становились воинственность и шовинизм[6]. Хотя лично мне кажется, что межнациональные отношения в империи в период непосредственно перед началом войны заслуживают менее радужной оценки. В конце концов, политика русификации, начало которой было положено еще в период царствования Александра III, спровоцировала движения протеста, имевшие ярко выраженный национальный и религиозный характер. После известных уступок нерусским сообществам в 1905 году, антиреформы Столыпина и реакция помещиков снова поставили в неблагоприятное положение многие влиятельные нерусские сообщества[7].

---

[4] См., например, документы по приему на государственную службу, формулярные списки. Любопытно, что военная статистика применяла более «современное» разделение населения по национальному признаку: военные составляли карты безопасности, которые использовались в училищах Генерального штаба, но такая статистика представляла собой исключение и, что примечательно, была засекреченной. См. А.М. Золотарев, «Записки военной статистики России. Том 1: Теория статистики. Общее обозрение России. Вооруженные силы». (Санкт-Петербург, 1885 г.).

[5] См. Jeffrey Brooks, When Russia Learned to Read [Когда Россия научилась читать], Princeton, 1985).

[6] “What is Russia? Russian National Consciousness and the State”, 1500-1917 [Что есть Россия? Русское национальное сознание и государство, 1550-1917], неопубликованный доклад.

[7] О политике самодержавия в течение десяти лет до 1917 года см. Violet Conolly, “The ‘nationalities question’ in the last phase of tsardom” [«Национальный вопрос» в последний период царизма»], in George Katkov, Erwin Oberlaender, Nikolaus Poppe and Georg von Rauch, eds., Russia Enters the Twentieth Century, 1894-1917 (London, 1971), а также Andreas Kappeler, Russland als

Следовательно, с этой точки зрения война не только усилила многие очаги напряженности, уже существовавшие в предвоенной политике и общественной жизни империи, но и явно спровоцировала качественные изменения в отношениях между населявшими ее народами.

Национальная политика в годы первой мировой войны сузила возможности выбора, стоявшего перед многими национальными сообществами, или повысила ставки такого выбора тем, что поставила их в положение «неправильной» нации. Что касается космополитических элит империи, то военная политика государства и то, каким образом военные проблемы накладывались на решение других политических противоречий, привели к поляризации общества по национальному признаку. Результатом этих перемен и политики, которая к ним привела, стала политизация межнациональных противоречий, а также то, что многие ненационалистические политические, экономические и социальные противоречия приобрели этнический или национальный оттенок. Это вовсе не означает, что к 1917 году все национальные сообщества империи уже сформулировали те националистические цели, которые они поставят перед собой в течение последующих нескольких лет. Однако это означает, что поляризация этнических сообществ была налицо, и что возросло число сообществ, рассматривавших себя в значительной степени в исключительно этническом или национальном контексте, и подходивших к текущим или будущим конфликтам с точки зрения своего этнического или национального самосознания.

В своей недавней работе по истории России в первой мировой войне, Норман Стоун утверждает, что война способствовала быстрой модернизации экономики и структуры управления Российской империи[8]. Стоун не распространяет свой аргумент на национальный вопрос, но я могу утверждать, что к этому периоду уже созрели новые формы и средства утверждения патриотизма и национального самосознания, которые усилились во время войны не только в результате государственной политики и ее непредвиденных последствий, но и в результате «неофициальной» деятельности элит, особенно после отречения Николая II. Результатом войны стало ускорение процесса реконфигурации национального самосознания, который являлся частью более долгосрочного перехода социальной структуры империи от традиционной династическо-конфессионально-имущественной системы к классово-этнической. Кроме того, политика военного времени привела к таким экономическим и социальным последствиям, которые резко ухудшили положение многих традиционных элит, особенно помещиков[9]. В самом деле, когда в марте 1917 года Временное правительство отменило имущественные и сословные различия, это в значительной степени явилось признанием fait accompli (совершившегося факта – *прим. пер*).

Вместе с тем, результатом войны явился не только демографический переворот, поскольку фокус национального внимания - военные действия - стали испытанием и для социальных привилегий, в особенности социальных привилегий прежнего режима. Война велась под патриотические призывы к самопожертвованию во имя родины; так, освобождение от военной службы стало постоянным источником неприязни со стороны тех, кто служил в армии или тех, чьи родственники были на фронте. Военные успехи самодержавия стали в еще большей степени, чем прежде, испытанием его легитимности. Иными словами, девальвация традиционных признаков социального статуса, таких как имущественный и династический, открыла простор для усиления роли, с одной стороны, национально-этнических признаков, а с другой – классовых признаков.

Vielvoelrerreich [Россия как многонациональное государство] (Munich: C.H. Beck Verlag, 1992), глава 9.

[8] “Иными словами, в период между 1914 и 1917 годами имела место вспышка экономической деятельности, давшая России толчок, сравнимый с тем, который она получила в течение всей жизни предыдущего поколения. Был дан поистине тот «старт» экономического развития, который задолго до этого предсказывали России, и который, в некотором смысле, и послужил причиной первой мировой войны, так как именно предчувствие этого развития подтолкнуло германское руководство к тому, чтобы спровоцировать превентивную войну. Первая мировая война привела к кризису процесса экономической модернизации, результатом которого и стала большевистская революция», The Eastern Front, 1914-1917 (London & Sydney: Hodder and Stoughton, 1975), с. 285.

[9] Например, большинство исследователей сходятся в том, что тяжелы потери, понесенные армией, привели к демократизации офицерского корпуса, что способствовало быстрому падению популярности и влияния класса помещиков среди офицерства.